

УДК: 327.1(571.6+59)

**ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ,
БЕЗОПАСНОСТЬ И СОТРУДНИЧЕСТВО В АТР
В ЗЕРКАЛЕ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ
(по результатам опроса жителей
Дальнего Востока 2010 г.)**

Виктор Лаврентьевич ЛАРИН,

доктор исторических наук, профессор,
директор Института истории, археологии
и этнографии народов Дальнего Востока
ДВО РАН, г. Владивосток
E-mail: victorLar@mail.ru

Лилия Львовна ЛАРИНА,

кандидат исторических наук, старший
научный сотрудник Института истории,
археологии и этнографии народов Даль-
него Востока ДВО РАН, г. Владивосток.
E-mail: victorLar@mail.ru

Статья продолжает серию публикаций журнала «Россия и АТР», посвящённых изучению общественного мнения дальневосточников, и основывается на материалах опроса населения, проведённого летом 2010 г. в южных районах Дальнего Востока. В центре внимания авторов — оценка жителями региона нынешней политики Москвы на российском Дальнем Востоке и в АТР, характера и источников угроз безопасности и интересам России в регионе, их зарубежных симпатий и предпочтений в развитии экономического сотрудничества территорий. **Ключевые слова:** общественное мнение, безопасность, внешняя политика, Россия, АТР, Дальний Восток.

Russian Foreign Policy, Security and Cooperation in Asia-Pacific in the Court of Public Opinion (According to the Survey of Residents of Russian Far East in 2010)

V.L. Larin, Phd., Professor, Director of Institute

L.L. Larina, Candidate of Science, Senior Researcher

The article continues a series of “Russia and the Pacific” publications devoted to the public opinion study in the Russian Far East. This time the opinion poll conducted in the south part of the RFE in the Summer of 2010 has become the source base of the study. The authors focus on the respondents views on current Moscow policy towards the Russian Far East and the Asia-Pacific region, their perception of nature and sources of external threats to Russia’s security and interests in the region, their foreign sympathies and preference in future economic cooperation with various countries and territories

Key words: Public opinion, Security, Foreign policy, Russia, Asia-Pacific, the Far East.

В начале XXI в. российское правительство предприняло активные шаги, направленные на развитие российского Дальнего Востока. Главными целями этой политики объявлено сохранение региона в составе России и создание платформы для активного внедрения России в экономическое и политическое пространство Азиатско-Тихоокеанского региона.

Параллельно с этим в самом регионе происходят глубокие структурные изменения, обусловленные перераспределением центров силы и возрастанием влияния азиатской составляющей в региональных делах (рост роли и значения Китая и Индии), обостряются застарелые конфликты (территориальные споры, ситуация на Корейском полуострове), возникают новые и обостряются старые угрозы региональной и глобальной безопасности (распространение ядерного оружия, изменение климата, терроризм, эпидемии).

Летом — в начале осени 2010 г. группа изучения общественного мнения Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН организовала и провела очередной опрос населения Дальнего Востока. Целью анкетирования было изучение нескольких важных, на наш взгляд, проблем, раскрывающих отношение дальневосточников к политике российского правительства в АТР и на Дальнем Востоке, восприятие ими угроз безопасности России и её тихоокеанских владений, а также оценка перспектив российского присутствия в Восточной Азии и АТР.

Опрос проведён в рамках программы исследования взглядов дальневосточников на окружающий мир и международные отношения России, разрабатываемой в институте с 1993 г. и нацеленной на исследование общественного мнения как одного из важнейших источников формирования общероссийской и региональной внешней политики. Продолжая работать над задачей изучения внешнеполитических представлений и приоритетов групп населения региона, которые реально способны влиять на принятие политических решений руководством страны и собственных территорий, в том числе в сфере внешнеполитической деятельности, мы сделали акцент на анализе взглядов и предпочтений тех слоёв общества, которые в наибольшей степени (хотя и различными путями) влияют на формирование и принятие внешнеполитических решений: лиц с высшим образованием, представителей органов власти и управления, интеллигенции и ИТР, жителей крупных городов Тихоокеанской России, прежде всего Владивостока и Хабаровска.

Выборка в целом по региону репрезентативна* и позволяет с большой долей уверенности оценивать взгляды различных возрастных, профессио-

* Всего опрошено 790 респондентов.

Территория опроса: Приморский край — 398 чел. (Владивосток — 228, Уссурийск — 88, Артем — 48, сельская местность — 34), Хабаровск — 178, Благовещенск — 29, Сахалин — 88, Магадан — 34, Еврейская автономная область — 63 чел.

Пол опрошенных: мужчины — 51%, женщины — 49%.

Возраст: до 20 лет — 10%, от 20 до 30 лет — 28%, 31—40 лет — 19%, 41—50 лет — 15%, 51—60 лет — 15%, старше 60 лет — 11%.

Образование: среднее и неполное среднее образование — 17% респондентов, среднее специальное — 23%, незаконченное высшее — 16%, высшее — 44%.

нальных и иных групп населения. В то же время для некоторых отдалённых от Владивостока территорий, где опрос из-за дефицита финансовых средств проводился привлечёнными и профессионально не подготовленными силами, выборка получилась недостаточно корректной. Малая численность респондентов в Благовещенске и Магадане, как и специфический контингент опрошенных на Сахалине (где в общей массе респондентов 2/3 составляли женщины и почти половину — студенты), отражает некоторые общие настроения, царящие в регионе, но не позволяет делать выводы по этим точкам опроса. Настроения жителей этих территорий рассматриваются не более как тенденции, требующие дополнительного изучения.

В анкету было включено 13 вопросов, на каждый из которых предлагалось от одного до одиннадцати готовых ответов. Каждый респондент имел также возможность предложить инициативный вариант ответа. В основном опрос проводился методом индивидуального анкетирования. Полученные результаты обработаны с помощью специальной компьютерной программы. В данной статье они сгруппированы в четыре блока, каждый из которых посвящён анализу определённых сегментов общественного мнения жителей Дальнего Востока.

1. РОССИЯ В АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ

Самым первым, открывающим анкету, был вопрос: *Считаете ли Вы Россию Азиатско-Тихоокеанской державой?* Используя понятие «державы», которое применительно к России нередко вызывает негативные эмоции у западных читателей, напоминая им об амбициях и политике СССР, мы ориентировались на привычное восприятие этого термина россиянами, для которых держава — это «большая и мощная страна» [1], коей Россия, безусловно, является.

Половина опрошенных дальневосточников (51%) дала положительный ответ на поставленный вопрос: они считают Россию тихоокеанской державой; каждый третий респондент (33%) — отрицательный, оставшиеся 16% затруднились с ответом. Более всего уверены в тихоокеанском статусе России жители Сахалина (69% респондентов), менее всего — в Приморском крае. В Хабаровске, где выборка респондентов столь же представительна, как во Владивостоке, «оптимистов» оказалось на 14% больше, а «пессимистов» на 12% меньше, чем в столице Приморья (см. табл. 1).

Уже в ответе на первый вопрос проявились (а впоследствии не раз подтвердились ответами на другие вопросы) особенности взглядов и представлений различных групп населения. Среди них — радикализм и «опережающий уровень оптимизма» самых молодых респондентов (среди тех, кому

Род занятий (выбор респондентов): студенты — 14%, рабочие — 18%, представители интеллигенции в сфере науки, культуры, образования, медицины — 19%, ИТР — 21%, руководители и их заместители — 6%, владельцы фирм и компаний — 7%, военнослужащие — 3%, пенсионеры — 8%, домохозяйки — 3%.

Таблица 1

**Признание за Россией статуса Тихоокеанской державы
(по территориям, в % от числа опрошенных)**

	Да	Нет	Разница между «да» и «нет»	Затруднились с ответом
Дальний Восток (790 чел., 100%)	51	33	+18	15
Приморский край (364 чел., 100%), в том числе:	44	38	+6	18
Владивосток (228 чел., 100%)	45	39	+6	16
Уссурийск (88 чел., 100%)	40	38	+2	22
Хабаровск (176 чел., 100%)	59	27	+22	14
Биробиджан (63 чел., 100%)	49	32	+17	19
Сахалин (88 чел., 100%)	69	26	+43	2

меньше 20 лет, считают Россию Тихоокеанской державой 62%, не считают — 21%), высокий уровень сомнений лиц со средним образованием (почти треть опрошенных из этой группы — 31% — воздержались от ответа на первый вопрос), скептицизм тех, кто обозначил себя в анкетах как «руководители» и «заместители руководителей» (41% из них не считают Россию Тихоокеанской державой).

Географическое положение России является для дальневосточников главным основанием называть её Азиатско-Тихоокеанской державой (рис. 1) — 48% опрошенных выбрали этот ответ. Два следующих фактора (*экономическое присутствие* и *политическое влияние России* в регионе) равнозначны, поскольку находятся в пределах допустимой погрешности (2%). Каждый пятый респондент (21%) по-прежнему уповает на военную силу

Рис. 1. Ваши основания считать или не считать Россию Азиатско-Тихоокеанской державой?
(Дальний Восток, не более 3 ответов на каждый вопрос, % от числа опрошенных)

как главный аргумент России в мире. Лишь 6% респондентов считают важнейшей общностью российской культуры с культурами АТР.

Специальный анализ взглядов респондентов из выделенной нами группы оптимистов (тех, кто считает возможным называть Россию Азиатско-Тихоокеанской державой, обнаружилось 48% от общего числа опрошенных, или 408 чел.) даёт следующие результаты: для 90% «членов» этой группы основанием является *географическое положение России*, для 46% — её *экономическое присутствие в регионе*, 43% — *политическое влияние* и 40% — *военное присутствие*.

Для тех, кто не считает Россию Азиатско-Тихоокеанской державой, самым важным критерием является негативная оценка внешней политики государства. В совокупности на этот фактор указали 36% респондентов: для 19% опрошенных главным является *«отсутствие интереса к АТР со стороны российского руководства»*; ещё 17% опрошенных не считают Россию тихоокеанской державой по причине *«неадекватной (или неправильной) внешней политики России»*. Критичнее всего эта политика оценивается в Приморском крае (23% опрошенных) и во Владивостоке (21%), в то время как в Хабаровске недовольных российской внешней политикой обнаружилось 13%, а в Биробиджане — только 3% от общего числа опрошенных по территориям.

На втором месте среди причин не считать Россию тихоокеанской державой стоит оценка степени её экономического присутствия в регионе. Но в отличие от оптимистов скептики убеждены в слабом экономическом влиянии России в АТР. Столь противоречивые оценки подтверждают гипотезу о слабой информированности и невнятных представлениях о состоянии экономического взаимодействия России со странами региона, характерных для большей части жителей Дальнего Востока.

Специальный анализ взглядов выделенной группы респондентов Дальнего Востока, не считающих возможным называть Россию Азиатско-Тихоокеанской державой (33% от общего числа опрошенных, 262 чел.), показывает, что для 77% из них *слабость экономического присутствия России в регионе* является главным критерием для обоснования их решения. Второй по важности критерий — оценка качества российской политики (42% указали на *«неадекватную внешнюю политику России»* и 41% — на *«отсутствие интереса к АТР со стороны российского руководства»*). Третий по важности фактор — *«культурная непохожесть России»* (34% респондентов этой группы).

2. УГРОЗЫ БЕЗОПАСНОСТИ

Поводом к постановке данного вопроса и включения его в другие разделы анкеты стали неоднократные высказывания лидеров России об угрозах потери Дальнего Востока [2]. Растиражированные СМИ эти высказывания не могли не сказаться на настроениях жителей региона. Результаты вопроса показывают, что тревога воспринимается серьёзно: более половины

дальневосточников (57%) уверены в существовании угрозы потери Дальнего Востока; только четверть респондентов (25%) считают, что угрозы не существует. Затруднились с ответом 18% опрошенных (на 2% больше, чем тех, кто затруднился с определением принадлежности России к АТР).

За исключением самых молодых — лиц в возрасте до 20 лет — не обнаруживается заметных различий в отношении к тезису об угрозе потери Дальнего Востока во всех возрастных группах респондентов (рис. 2). Согласных

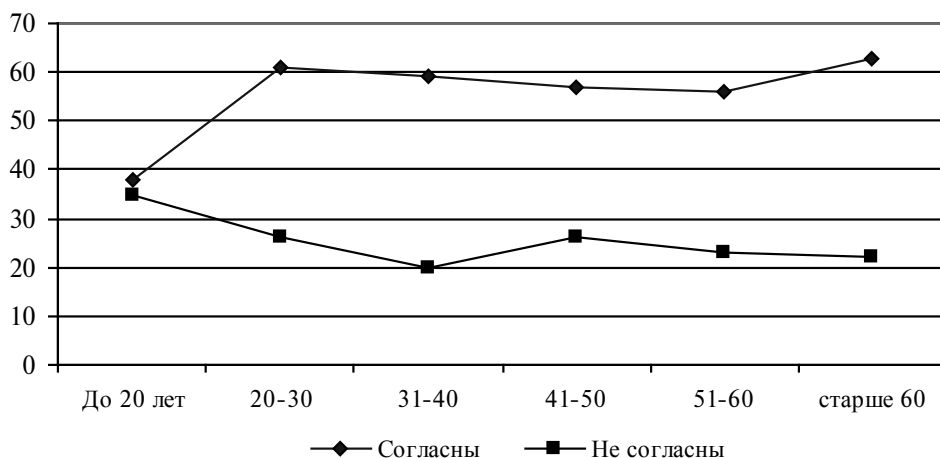

Рис. 2. Отношение к тезису об угрозе потери Россией Дальнего Востока (по возрасту респондентов, один ответ, % от числа опрошенных по возрастным группам)

с существованием такой угрозы в 2,2—3 раза больше, чем тех, кто считает, что угрозы не существует. В одинаковой степени угрозы опасаются и в различных районах Тихоокеанской России: 63% респондентов в Биробиджане, 60% — в Хабаровске, 58% — во Владивостоке, 56% — в Уссурийске.

Наличие угрозы требует идентификации её источников. Нами были выделены и предложены респондентам семь угроз, три из которых носят чисто внутренний (*ослабление экономических связей дальневосточных территорий с Сибирью и европейскими районами России, безразличие Москвы к интересам Дальнего Востока, сепаратистские настроения на Дальнем Востоке*), две — внешний (*процессы глобализации, политика пограничных с Россией государств*) и две — смешанный характер (*сокращение числа россиян и рост зарубежной миграции на ДВ, снижение уровня военного присутствия России в регионе*).

Полученные ответы (рис. 3) показывают, что жители Дальнего Востока ассоциируют главные угрозы территориальной целостности России с тремя факторами:

- изменением этнической структуры населения Дальнего Востока;
- политикой соседних государств, нацеленной на отторжение этой территории от России;
- безразличным отношением Москвы к Дальнему Востоку.

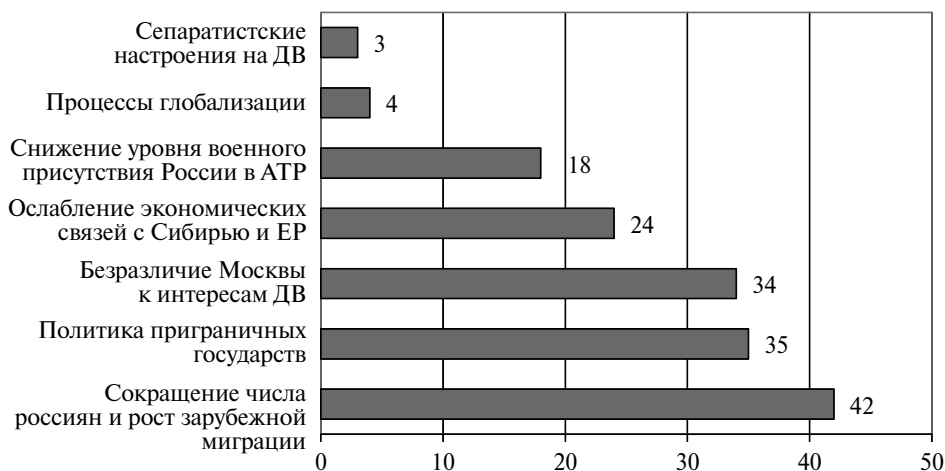

Рис. 3. Источники угроз для России потерять Дальний Восток (Дальний Восток, не более 3 ответов, % от числа опрошенных)

Очевидно, что тезис о «политике приграничных государств» как угрозе суверенитету России требует расшифровки. Для выяснения, какие государства АТР дальневосточники рассматривают как угрожающие интересам России, им был предложен вопрос: «Существует ли угроза безопасности России со стороны КНР, США, Японии, Южной и Северной Кореи?» (рис. 4).

На основе ответов респондентов можно утверждать, что двое из трёх жителей Дальнего Востока (64%) рассматривают Китай как главную угрозу безопасности России на её восточных рубежах. Почти у половины дальневосточников (48%) в сознании по-прежнему присутствует синдром «американской угрозы», а существование «курильской проблемы» оставляет актуальной и «угрозу со стороны» Японии (40% респондентов региона).

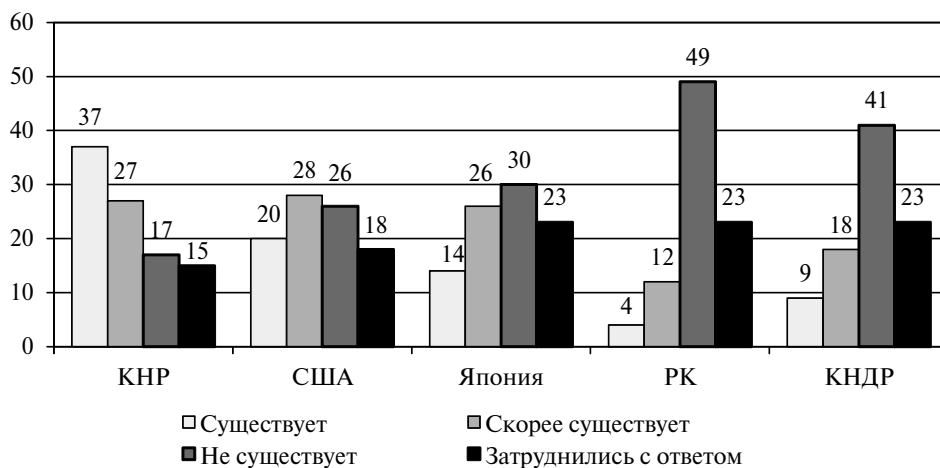

Рис. 4. Существует ли угроза безопасности России со стороны КНР, США, Японии, Южной и Северной Кореи? (Дальний Восток, % от числа опрошенных)

По территориям Дальнего Востока уровень представлений о существовании и характере угроз неодинаков (рис. 5). «Китайская угроза» значительно серьёзнее воспринимается в Хабаровске (79% от числа опрошенных) и Биробиджане (71%), чем в Южно-Сахалинске (27%). Легко объяснить, почему «японская угроза» острее всего ощущается на Сахалине. Близость Владивостока к Северной Корее заставляет жителей города опасаться и развития событий на Корейском полуострове.

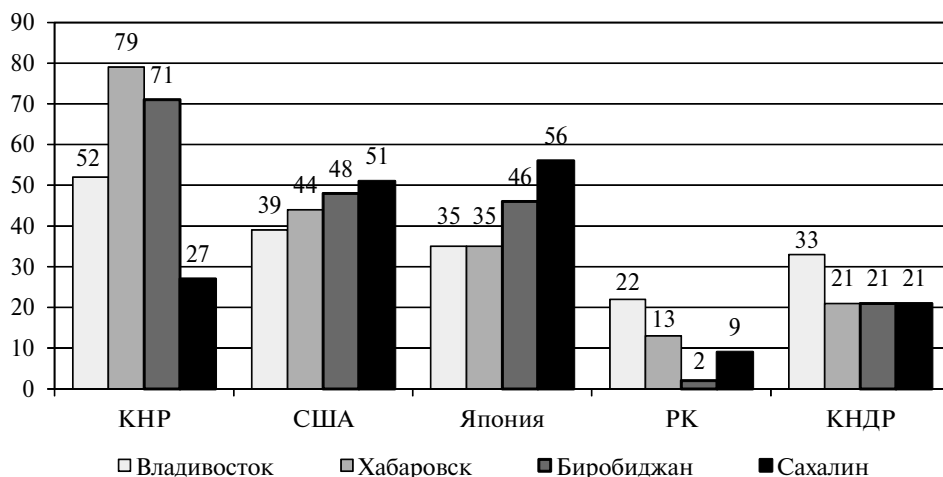

Рис. 5. Оценка уровня угроз со стороны соседних государств (% от числа опрошенных по территориям)

Любопытным представляется восприятие угрозы со стороны Северной Кореи жителями Приморского края. Летом 2010 г. лишь 12% опрошенных жителей края согласились, что угроза со стороны КНДР существует, а 21% — «скорее существует». Год назад, в июне 2009 г., вскоре после проведения КНДР (25 мая) очередного испытания ядерного устройства в непосредственной близости от границы Приморского края, с угрозой со стороны КНДР были согласны в три раза больше респондентов (38%), 27% были уверены, что угроза «скорее существует». Очевидно, что опасность ядерного конфликта на полуострове волнует жителей Приморья значительно больше, чем военное противостояние между Севером и Югом. Тем не менее сегодня этот конфликт воспринимается более серьёзно, чем несколько лет тому назад. Если в ходе опроса 2008 г. только 5% респондентов в Приморье согласились с утверждением, что конфликт на Корейском полуострове представляет угрозу безопасности России, то сегодня их число увеличилось до 19%.

Однако в целом по региону этот конфликт, как показывают ответы на вопрос «Откуда исходят главные угрозы безопасности России и её дальневосточным территориям на Тихом океане?» (рис. 6), находится на последнем месте среди всех выделенных нами угроз безопасности России на восто-

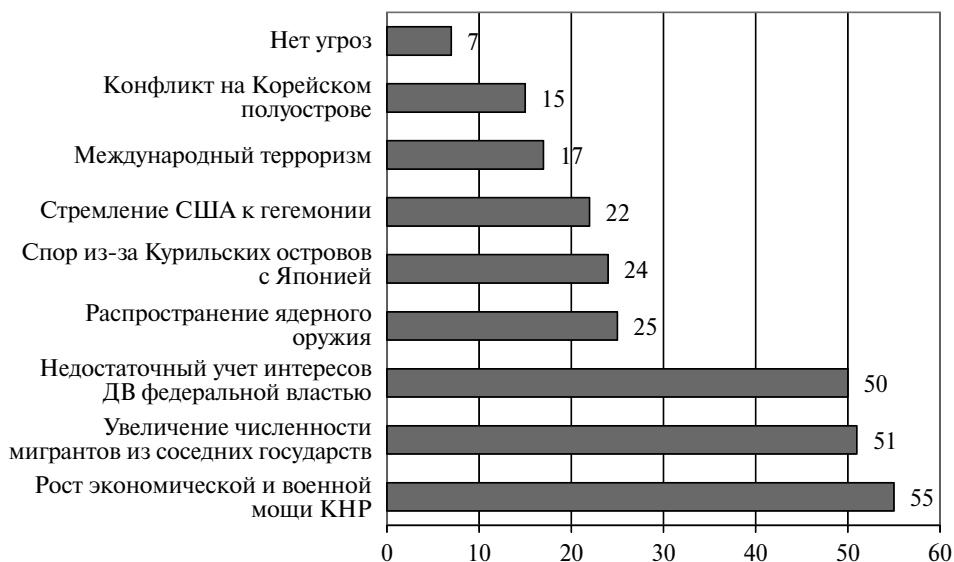

Рис. 6. Откуда исходят главные угрозы безопасности России и её дальневосточным территориям на Тихом океане?
(Дальний Восток, до 5 ответов, % от числа опрошенных)

ке страны. В первой тройке угроз вновь оказываются: *рост числа мигрантов, политика Москвы и китайский фактор*. Кроме того, оказывается, что поставленные перед необходимостью выбора между «внешними» и «внутренними» угрозами респонденты склоняются в пользу большей важности и актуальности последних, подтверждая тем самым хорошо известный со времён Конфуция тезис о том, что безопасность государства обеспечивается прежде всего его эффективной внутренней политикой.

Место проживания респондентов заметно сказывается на оценке ими угроз (табл. 2). Рост мощи КНР более всего тревожит жителей Биробиджана (81% респондентов), Хабаровска (68%), менее всего — Сахалина (27%), для которых самой серьёзной угрозой остаётся «спор из-за Курильских островов с Японией» (48% респондентов острова). Конфликт на Корейском полуострове более актуален для жителей Владивостока (24%), чем для сахалинцев (11%).

Обращает на себя внимание, что жители Приморья, где проблема оттока населения менее остра, чем в других районах Дальнего Востока, озабочены зарубежной миграцией более других (56% респондентов края против 51% по региону). Сказываются, видимо, раскрученная ранее местными и центральными СМИ страшилка «китайской демографической экспансии» и заметно преувеличенные представления приморцев о численности китайских мигрантов в крае.

Попутно заметим, что в подходе к большинству рассматриваемых нами проблем (но не ко всем) различие во взглядах респондентов обусловлено не их полом, возрастом, местом проживания или занятием, а уровнем образования, т.е. прежде всего степенью их информированности

Таблица 2

**Откуда исходят главные угрозы безопасности России
и её дальневосточным территориям на Тихом океане? (по территориям,
не более 5 ответов, % от числа опрошенных по территориям)**

	Приморье (100%)	Владивосток (100%)	Хабаровск (100%)	Биробиджан (100%)
Рост экономической и военной мощи Китая	51	54	68	81
Увеличение численности мигрантов из соседних государств	56	49	48	54
Недостаточный учёт интересов дальневосточных территорий федеральной властью	45	51	66	46
Распространение ядерного оружия	30	31	15	25
Спор из-за Курильских островов с Японией	19	21	25	33
Стремление США к гегемонии	19	22	17	25
Конфликт на Корейском полуострове	19	24	10	14
Международный терроризм	18	18	10	29
Нет угроз	12	9	1	3

и способностью анализировать противоречивую информацию, получаемую из СМИ. В частности, «увеличение численности мигрантов из соседних государств» больше волнует лиц со средним образованием (60% опрошенных из этой группы населения), чем с высшим (47%), в то время как «рост экономической и военной мощи Китая» беспокоит больше лиц с высшим (64%), чем со средним (44%) образованием.

Обобщение ответов респондентов на несколько вопросов, связанных с оценкой угроз безопасности России и её дальневосточных территорий, позволяет чётко сформулировать представления жителей Дальнего Востока в этой области. Они выделяют три очевидные угрозы:

- рост экономической и военной мощи КНР;
- сокращение численности россиян на Дальнем Востоке и заселение его мигрантами из соседних государств, главным образом из Китая;
- безразличие Москвы к интересам Дальнего Востока, её неадекватная реальным и потребностям региона политика в АТР и на Дальнем Востоке России.

Фактически три угрозы можно свести к одной: это страх перед дальнейшим ростом политического и экономического влияния Китая на территории Сибири и Дальнего Востока и неспособность российского правительства найти правильное решение этой проблемы в интересах как России, так и дальневосточных территорий.

Подобное ранжирование внешних угроз было характерно для жителей региона всё последнее десятилетие.

3. ПОЛИТИКА РОССИИ ПО РАЗВИТИЮ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА И РЕАКЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ

Представленные выше ответы на вопросы об угрозах безопасности России и её дальневосточным территориям позволили выяснить, что одной из главных угроз респонденты считают качество российской политики в Азиатско-Тихоокеанском регионе, особенно отношение российского Центра к дальневосточным территориям. Сведение этих вопросов в одну таблицу кажется показательным (*табл. 3*).

Таблица 3

Сводная таблица оценок качества российской политики

	ДВ (100%)	ПК (100%)	Владивосток (100%)	Хабаровск (100%)	Биробиджан (100%)
Препятствия к присутствию в АТР (<i>рис. 2</i>)					
Неадекватная внешняя политика России	17	23	21	13	3
Отсутствие интереса со стороны российского руководства к АТР	19	22	22	15	22
Угрозы потери ДВ (<i>рис. 4</i>)					
Безразличие Москвы к интересам Дальнего Востока	34	31	36	40	35
Угрозы безопасности России и ДВ (<i>рис. 6</i>)					
Недостаточный учёт интересов дальневосточных территорий федеральной властью	50	45	51	66	46

Даже сделав поправку на «местный эгоизм» дальневосточников и традиционно критическое отношение провинции к столице как таковой, отметим, что треть дальневосточников констатирует «безразличие Москвы» к их нуждам, а половина — «недостаточный учёт их интересов». Подобные оценки хорошо известны и характерны для последних десятилетий. В таком случае возникает вопрос: как повлияли последние действия правительства по развитию восточных районов России, в частности, принятие новой программы развития Дальнего Востока и Забайкалья и подготовка Владивостока к саммиту АТЭС 2012 г. на представления дальневосточников?

Оказывается, что сама программа и стоящие за ней цели прежде всего воспринимаются многими жителями региона критически: половина дальневосточников не верит в искренность заявлений правительства. Если тезис о сохранении Дальнего Востока в составе России ещё вызывает какие-то эмоции (его считает главным каждый пятый житель региона — 21% опрошенных), то в желании Москвы превратить эту территорию в экономически развитый регион убеждены лишь 14% респондентов. А каждый второй (49% опрошенных) усматривает за этой политикой не более чем интересы крупного российского и зарубежного бизнеса (*рис. 7*).

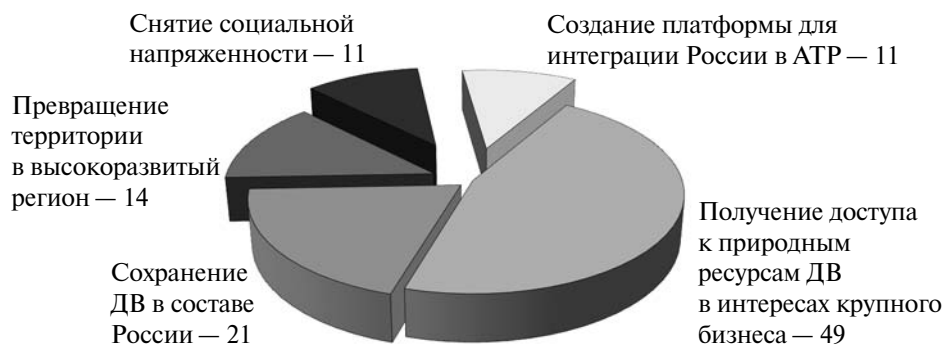

Рис. 7. Каковы цели руководства России при реализации программы развития Дальнего Востока? (Дальний Восток, один ответ, % от числа опрошенных)

Самыми доверчивыми предстают перед нами жители ЕАО, в которой только 33% опрошенных согласились с тезисом, что главной целью правительства является обеспечение доступа к природным ресурсам Дальнего Востока крупному российскому и иностранному капиталу. В Хабаровске и Владивостоке таких оказалось намного больше — соответственно 54 и 49%. Более всего верят, что правительство желает превратить Дальний Восток в высокоразвитый регион страны, сахалинцы и благовещенцы (26—27% опрошенных), тогда как во Владивостоке, Хабаровске, Магадане и Уссурийске в этом убеждены только от 9 до 11% респондентов.

Одной из главных причин такого скептицизма является уже введшееся в сознание дальневосточников неверие в дееспособность российской власти. Ответы на вопрос «*Верите ли Вы в способность нынешней власти улучшить социально-экономическое положение края (области) и его жителей?*» показывают крайне низкий уровень доверия населения к государству как таковому. Положительный ответ дал лишь один из пяти жителей региона (21% опрошенных). Отрицательный ответ дали 56%, затруднились с выбором решения 22%.

Степень пессимизма жителей Приморского края и Хабаровска (не верят во власть, соответственно 62 и 56% респондентов этих территорий) значительно выше, чем у жителей Биробиджана (35%) и Южно-Сахалинска (44% «пессимистов»). Особый скептицизм проявляют жители нестоличных (в масштабе территорий) городов. К примеру, в г. Уссурийске (Приморский край) оптимистов оказалось только 11% от числа респондентов. Жители Владивостока более оптимистичны, вероятно, благодаря тому, что ежедневно ощущают на себе попытки власти что-то изменить в развитии региона. Но и среди них энтузиастов не более 21%.

В этой безрадостной картине есть только один просвет — это настроение самой молодой части респондентов: студентов и тех, кому ещё не исполнилось 20 лет. Верят в способность власти улучшить социально-экономическое положение территории 35% студентов и 38% молодых людей в возрасте до 20 лет. Пессимистов среди тех и других — по 43% от числа опрошенных.

Столь низкий уровень веры в будущее региона является одной из главных причин крайне высокого уровня миграционных настроений дальневосточников: покинуть регион при наличии у них таких возможностей готовы 61% его жителей (табл. 4), при этом каждый третий (33%) намерен сменить местожительство в самой России, а чуть больше четверти (28%) респондентов — вообще покинуть её пределы. Выразили твёрдое намерение остаться в своём крае (городе) только 39% опрошенных.

Таблица 4

**Миграционные настроения дальневосточников
(по территориям, % от числа опрошенных по территориям)**

	ДВ (100%)	ПК (100%)	Владивосток (100%)	Хабаровск (100%)	Биробиджан (100%)
Намерены остаться в своём крае («патриоты»)	39	42	36	28	44
Готовы переехать в пределах России («мигранты»),	33	29	31	37	37
в том числе:					
в европейскую часть России	21	18	21	22	24
в Москву	7	7	7	9	3
в другие районы Сибири и Дальнего Востока	5	4	3	6	10
Готовы выехать за пределы России («эмигранты»)	28	29	33	36	33

Даже в более благоприятном (исходя из климатических условий) для жизни Приморском крае намерены остаться только 42% респондентов (во Владивостоке — 36%), а при наличии возможности край готовы покинуть шесть из десяти его жителей! Из Хабаровска не хотели бы уехать только 28% опрошенных горожан. Это означает, что проблема удержания населения в регионе далека от разрешения [3]. Очевидно, что миграционный отток населения с Дальнего Востока сократился не по причине патриотизма его жителей, а в связи с малыми возможностями, которыми обладают оставшиеся в регионе дальневосточники для переезда и устройства на новом месте.

Анализ структуры потенциальных «внутренних мигрантов» не выявляет полярных результатов ни по полу, ни по возрасту, ни по уровню образования и характеру занятий респондентов. Их несколько больше среди женщин (36% от всех опрошенных лиц этого пола), чем среди мужчин (30%). Более всего склонны к переезду в пределах России лица в возрасте от 31 до 40 лет (37%; в наименьшей степени среди всех возрастных групп — молодёжь в возрасте до 30 лет (30%). Среди респондентов с незаконченным высшим и средним специальным образованием потенциальных внутренних мигрантов больше (по 35%), чем среди тех, кто имеет только среднее (29%). Наконец, более всего склонны думать о смене места жительства в пределах России представители интеллигенции

(36% респондентов), студенты (35%) и руководители предприятий (34%); в наименьшей степени — ИТР (28%) и пенсионеры (29%).

Две трети из числа «внутренних мигрантов» (64%) хотели бы вернуться на «историческую Родину» — в европейские районы России, 20% — в Москву и лишь 16% — перебраться в другие районы Сибири и Дальнего Востока.

Структура «эмигрантов» более контрастна: почти поровну среди мужчин (29%) и женщин (27%). Наибольший процент их обнаруживается среди лиц в возрасте от 20 до 30 лет (38%), наименьший — что вполне ожидаемо — среди старших возрастных групп (14% в возрасте старше 60 лет и 18% в возрасте от 51 до 60 лет). Среди тех, кто имеет высшее образование, потенциальных эмигрантов на 10% больше, чем среди тех, кто ограничился средним специальным (32% против 22%). В промежутке находятся лица со средним (25%) и незаконченным высшим (28%) образованием. Больше всего «эмигрантов» среди руководителей (35%), предпринимателей и студентов (по 33%); меньше всего — среди пенсионеров (16%) и военнослужащих (23%).

Более конкретно эмиграционные предпочтения дальневосточников раскрываются с помощью вопроса о странах, к которым они испытывают наибольшие симпатии и куда бы хотели переехать на постоянное жительство (рис. 8). Самыми предпочтительными направлениями считаются Канада (21% от числа респондентов), Австралия (18%), Германия (13%) и США (10%). В Китай выехали бы на жительство 22 из 790 опрошенных (3%), 15 из них — жители Приморья. Нашлось также трое желающих эмигрировать в Северную Корею и 9 — в Индию.

Наконец, «патриотов» среди мужчин на 4% больше, чем среди женщин (41% и 37% соответственно). Более всего прикипели к краю респонденты в возрасте от 51 до 60 лет (56% из этой возрастной группы) и старше

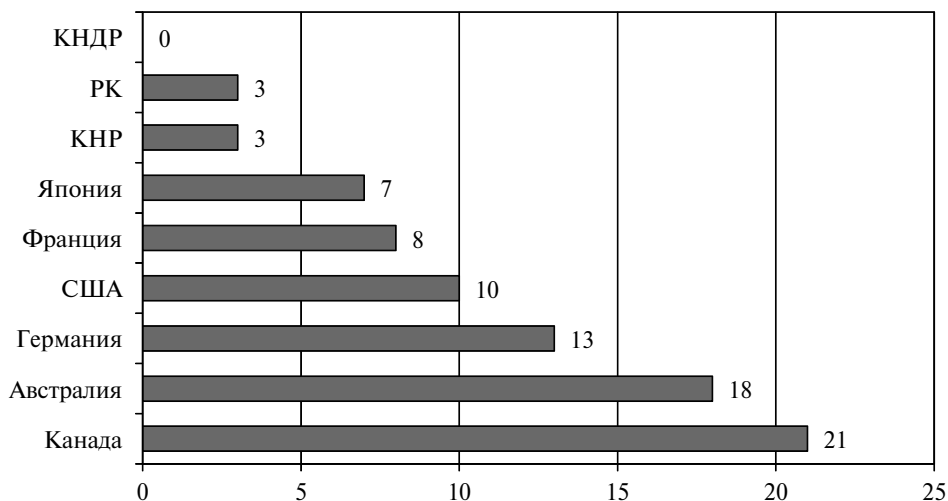

Рис. 8. Страны, предпочтительные для эмиграции
(Дальний Восток, не более трёх приоритетов, % от числа опрошенных)

60 лет (51%). В самом активном возрасте (от 20 до 40 лет) «патриотов» почти в два раза меньше — лишь 30—31%. Более всего склонны остаться в родном крае те, кто имеет только среднее (46%) и среднее специальное (43%) образование, тогда как среди представителей с высшим образованием 35%, а незаконченным высшим — 37%. Соответственно, если более половины пенсионеров (55%) не собираются сдвигаться с насиженного места, то среди руководителей фирм и компаний, а также студентов их обнаруживается только 31 и 32% соответственно. Доля «патриотов» среди других категорий населения — военнослужащие — 46%, ИТР — 43%, рабочие — 40%, предприниматели — 39%, представители интеллигенции — 36%.

Более детальный анализ взглядов респондентов в группах «патриотов», «мигрантов» и «эмигрантов» показывает (табл. 5): главной причиной, толкающей людей на выезд из региона, является не фактор «внешней угрозы», а неверие в благоприятные перспективы Дальнего Востока России. Представители всех трёх групп практически одинаково воспринимают фактор угроз безопасности и интересам России со стороны её тихоокеанских соседей (разве что «эмигранты» чуть более скептически относятся к существованию «американской угрозы»). В оценке же внутреннего источника угроз (политика Центра, особенно способности власти решать существующие проблемы) нетерпимость потенциальных переселенцев очевидна: не верят в способность власти улучшить положение края две трети (67%) «эмигрантов», 56% «мигрантов» и 49% «патриотов».

Таблица 5

**Сопоставительный анализ ответов «патриотов» и «эмигрантов»
на вопросы о политике России и внешних угрозах безопасности**

	«Патриоты» (309 чел.)	«Внутренние мигранты» (262 чел.)	«Эмигранты» (221 чел.)
<i>Главные угрозы безопасности России на Тихом океане</i>			
Стремление США к гегемонии	23	24	17
Рост мощи Китая	56	58	49
Рост числа мигрантов	51	51	53
Недостаточный учёт интересов ДВ территорий федеральной властью	46	52	53
<i>Верят в угрозу со стороны</i>			
Китая	64	65	65
США	51	51	42
Японии	39	43	38
<i>Существует ли угроза потери Россией Дальнего Востока (да/нет)</i>	54/25	60/23	59/27
<i>Источники угроз</i>			
Политика пограничных государств	35	38	32
Рост зарубежной миграции	42	44	42
Безразличие Москвы	28	40	37
<i>Верят в способность власти улучшить положение края (да/нет)</i>	26/49	17/56	17/67

К такому же выводу приводит сравнительный анализ взглядов представителей двух других выделенных нами групп респондентов: тех, кто согласен (451 чел.) и не согласен (196 чел.) с тезисом об угрозе для России потерять Дальний Восток (*Вопрос 5*). В первой группе не верят в способность власти улучшить положение края 67% респондентов, тогда как во второй только 43%.

Парадоксально, однако, что согласие или несогласие с существованием такой угрозы никак не влияет на миграционные настроения респондентов. В первой группе хотели бы выехать за пределы России 29% опрошенных и остаться в крае 37%, во второй — соответственно 30 и 39%. Похоже, что угроза эта воспринимается пока как весьма гипотетическая.

4. СИМПАТИИ И ПРИОРИТЕТЫ ДЛЯ СОТРУДНИЧЕСТВА

Традиционная тема, присутствующая во всех наших анкетах последних двух десятилетий, — это страны и территории, вызывающие у дальневосточников наибольшие симпатии и приоритетные для развития с ними отношений. Самые большие симпатии традиционно вызывает Япония (40% опрошенных), за ней на некотором отдалении следует группа стран европейской культуры: Австралия, Франция, Германия и Канада (*рис. 9*).

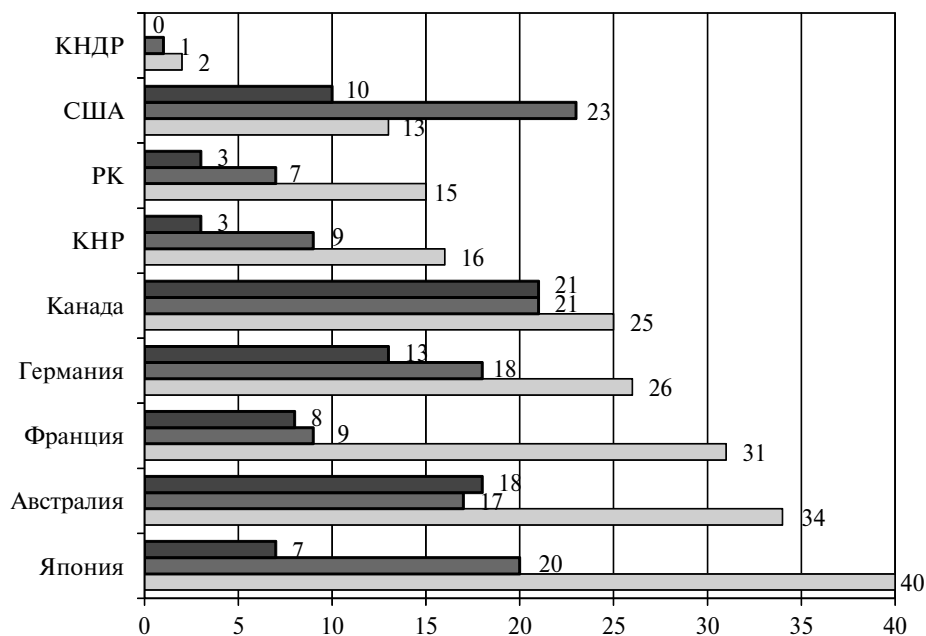

Рис. 9. Страны, вызывающие наибольшие симпатии и предпочтительные для временной работы и эмиграции (Дальний Восток, не более трёх приоритетов, % от числа опрошенных)

Любопытно, что виртуальные симпатии и прагматические интересы дальневосточников совпадают не всегда: желающих временно поработать в США (23% респондентов) почти в два раза больше, чем выражающих симпатии этой стране (13%).

Сопоставление данных с результатами предшествующих опросов выявляет любопытную тенденцию: некоторое повышение симпатий жителей Дальнего Востока к восточноазиатским соседям. В среднем по региону респондентов, симпатизирующих Китаю и Южной Корее, в 2010 г. стало на 7% больше, чем в 2008 г. (соответственно 16% и 15% от общего числа опрошенных). Доля респондентов, выразивших наибольшие симпатии Японии, увеличилась на 5%. Исключение составляет лишь КНДР. Наиболее ярко выраженный характер эта тенденция приобрела в Приморском крае: по сравнению с результатами, полученными в ходе исследований 2002 и 2008 гг., приморских респондентов, назвавших КНР страной, вызывающей у них наибольшие симпатии, стало больше на 15–19%, Республику Корея — на 6%, а Японию — на 13–14%.

Повышение популярности Китая и стабильно высокий уровень симпатий к Японии сделали безоговорочным их лидерство среди стран и территорий, с которыми жители Дальнего Востока считают необходимым развивать отношения (рис. 10).

Приоритеты территорий не совпадают и в значительной степени определяются их географическим положением и широтой связей с внешним миром. По этим причинам для Владивостока и Хабаровска главным направлением взаимодействия являются Китай и Япония, для Сахалина — Япония, Китай и Южная Корея, а для Биробиджана, Благовещенска и Магадана — сибирские и дальневосточные территории и Китай (табл. 6).

Сопоставление полученных данных с результатами более ранних опросов (рис. 11) показывает, что за последние 7 лет Китай заметно укрепил свои позиции и стал в представлении дальневосточников самым важным экономическим партнёром, в то время как позиции Японии, Южной Кореи или Западной Европы особенно не меняются.

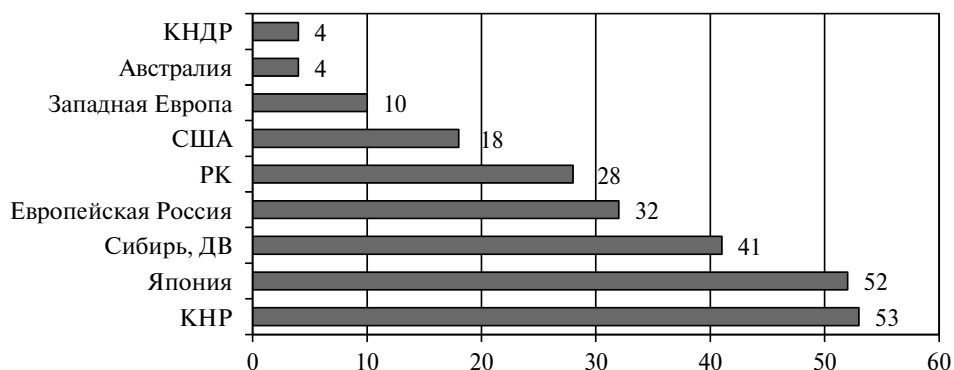

Рис. 10. С какими странами и территориями Вашему краю (области) следует развивать отношения в первую очередь? (Дальний Восток, не более трёх ответов, % от числа опрошенных)

Таблица 6

С какими странами и территориями Вашему краю (области) следует в первую очередь развивать отношения? (по территориям ДВ, % от числа опрошенных по территории)

	Владивосток (100%)	Хабаровск (100%)	Благовещенск (100%)	Сахалин (100%)	Биробиджан (100%)	Магадан (100%)
Китай	63	51	32	43	54	54
Япония	57	49	45	60	35	45
Сибирские и дальневосточные территории	36	44	45	32	54	69
Республика Корея	32	22	19	39	8	9
Европейские районы России	28	31	29	27	41	37
США	18	15	29	27	10	9
Государства СНГ	11	18	13	17	17	17
Западная Европа	7	8	23	8	11	3
Индия	10	4	3	2	2	6
Австралия	4	5	—	6	2	6
КНДР	3	7	—	5	8	—

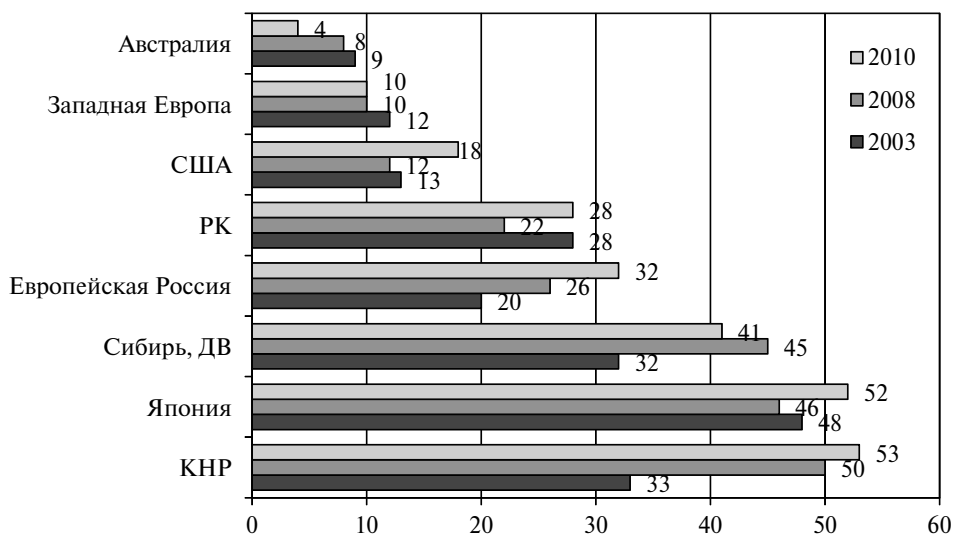

Рис. 11. Страны и территории, приоритетные для развития отношений Дальнего Востока России (Дальний Восток, по годам, % от числа опрошенных)

Более важным приоритетом для региона в целом (а для некоторых территорий — Благовещенска, Биробиджана, Магадана — самым важным) стали внутрорегиональные связи в пределах Дальнего Востока. Обращает на себя внимание и постепенное осознание дальневосточниками значимости отношений с европейскими территориями России.

Любопытны возрастные предпочтения респондентов (рис. 12). Если в отношении Китая, Европейской России и не указанных на графике, но

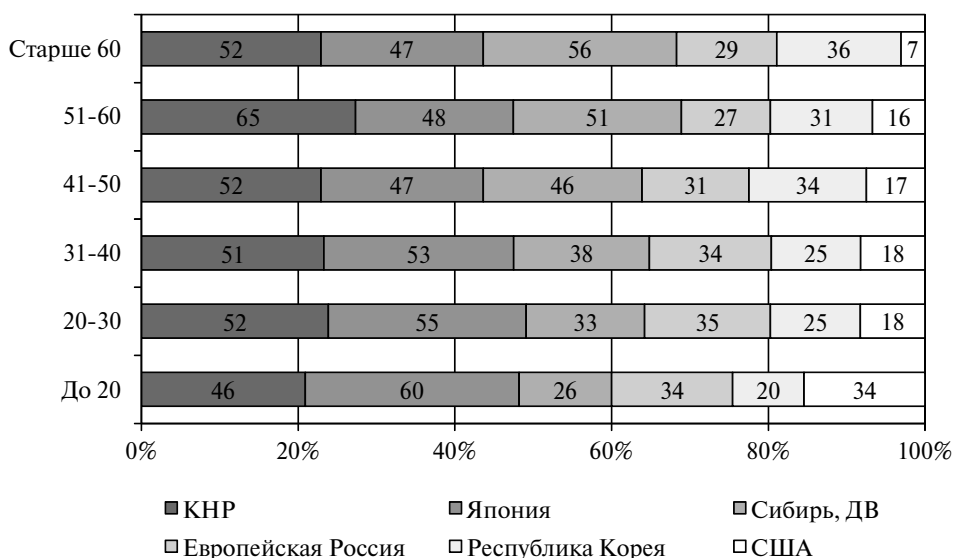

Рис. 12. С какими странами и территориями Вашему краю (области) следует в первую очередь развивать отношения? (по возрастным группам, до трёх ответов, % от числа опрошенных по возрастным группам)

упоминающихся в анкетах Австралии, Индии, КНДР мнения представителей различных возрастных групп в основном совпадают, то в отношении США, Южной Кореи, Японии и Сибири они заметно расходятся, формируя несколько пирамид с широким (Япония, США) и узким (Сибирь, Южная Корея) основанием. Среди респондентов в возрасте старше 50 лет сторонников первостепенного развития отношений с сибирскими и дальневосточными территориями оказалось в два раза больше, чем среди самых молодых. Отношение к США — прямо противоположное.

Также отметим, что положительное восприятие дальневосточниками Японии никак не влияет на их подходы к решению «курильской проблемы»: на передачу 1—4 островов Японии согласны только 2% опрошенных. Категорически против решения проблемы в пользу Японии высказались две трети (68%) респондентов (рис. 13). Ещё 10% опрошенных считают, что не располагают достаточной информацией, чтобы дать однозначный ответ, а оставшиеся ищут компромиссные варианты. Отметим, что опрос проводился до обострения российско-японских отношений вокруг «курильской проблемы».

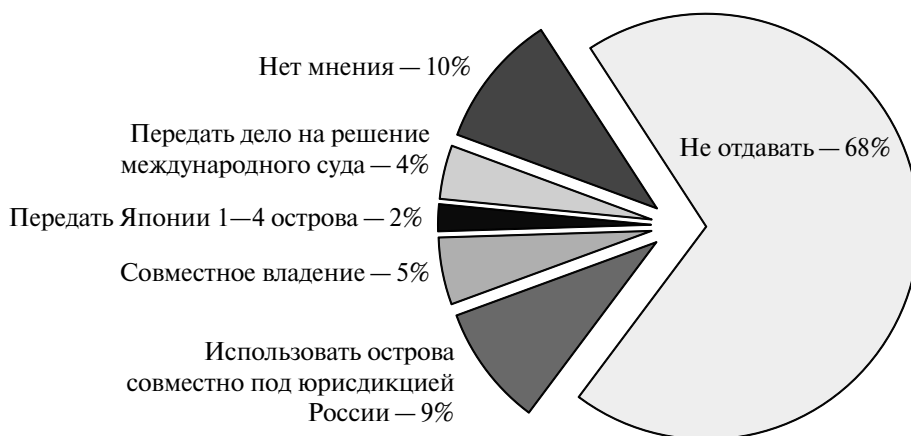

Рис. 13. Варианты решения «курильской проблемы» (Дальний Восток, один ответ, % от числа опрошенных)

* * *

Таким образом, результаты последнего анкетирования населения Дальнего Востока позволяют вычленить несколько важных, как нам представляется, моментов в его общественном сознании, оказывающих влияние на общественное поведение, деловую активность и психологическую устойчивость дальневосточников. Первый из них — поверхностные представления и скептический настрой большинства жителей на предмет целей и результатов российской политики в АТР и на Дальнем Востоке. Они ещё не поверили ни в серьёзность российских намерений в АТР, ни в настроенность Москвы на действительное, а не декларативное или узконаправленное изменение положения восточных районов России.

Второй — высокий уровень миграционных, в том числе эмиграционных, настроений жителей, обусловленный, в том числе неуверенностью в будущем региона, неверием в способность и желание власти изменить его жизнь к лучшему, ощущением своей незащищённости перед внешними угрозами. На отъезд из региона ориентированы самые образованные, работоспособные и креативные слои местного общества.

Третий — высокая планка убеждённости в существовании внешних угроз безопасности территории, вплоть до опасения перехода этой территории под контроль другого государства (очевидно, Китая). Население по-прежнему ощущает себя в роли заложника в осаждённой крепости, которую уже некому защищать.

Четвёртый — отношение дальневосточников к Китаю остаётся двойственным и противоречивым. С одной стороны, не уменьшается страх оказаться под пятой могучего соседа, с другой — наблюдается заметное повышение авторитета и популярности этой страны. Такой рост закономерен, но надо учитывать, что он неизбежно будет сопровождаться усилением

влияния Пекина на умы и сердца дальневосточников, а значит, появлением у него *больших* возможностей для лоббирования своих интересов.

Пятый — результаты опроса не дают оснований сомневаться в патриотизме дальневосточников, в их негативном отношении к идеям сепаратизма или территориальной обособленности, в их преимущественно европейской культурно-цивилизационной и политической ориентации. Вместе с тем основную ставку жители региона делают всё же на сотрудничество не с российскими территориями, а с соседями по Азии, прежде всего на экономическое взаимодействие с Китаем и Японией. Результаты опроса ещё раз подтверждают уже состоявшийся факт экономической переориентации региона на Восточную Азию и АТР.

Если же рассматривать результаты исследования в контексте планов и политики российского руководства по интеграции России в АТР и использованию дальневосточной территории как плацдарма для этой интеграции, то приходится констатировать, что социальная база и идеологическая платформа на самом Дальнем Востоке для осуществления этих задач является исключительно слабой. Правительству необходимо предпринимать срочные, серьёзные и массированные усилия для укрепления этой платформы, прежде всего пропагандистского и разъяснительного характера, ещё более срочные и специальные усилия по укреплению авторитета власти, повышению уровня доверия к ней населения региона. Наконец, требуется принятие экстренных и эффективных мер для предотвращения дальнейшего оттока из региона представителей наиболее образованных и молодых слоёв, иначе ни строить, ни защищать, ни тем более развивать Тихоокеанскую Россию будет некому.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1997. С. 161.
2. О такой угрозе прямо говорилось на заседании Совета Безопасности РФ 20 декабря 2006 г., где обстановка в регионе была оценена как «угрожающая национальным интересам России». Во время своего первого визита на Камчатку в сентябре 2008 г. об опасности «...в конечном счёте... всё потерять» на Дальнем Востоке говорил Д. Медведев (Д. Медведев. Заключительное слово на совещании по вопросам социально-экономического развития Камчатского края. 25 сентября 2008 г. // http://www.kremlin.ru/appears/2008/09/25/1633_type63378_206908.shtml).
3. Практически не работает Госпрограмма содействия добровольному переселению соотечественников, на которую делала ставку Москва в решении проблемы депопуляции региона. По признанию К. Ромодановского, за время действия программы на Дальний Восток переехало всего 377 чел., в то же время только за первую половину 2010 г. из региона, как сообщил Д. Медведев, выехало 5 тыс. чел. (Стенографический отчёт о совещании по таможенной и миграционной проблематике в приграничных регионах. 3 июля 2010 г., Благовещенск) // <http://www.kremlin.ru/transcripts/8278>).